

УДК 323.2

Б.В. Колодкин, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский национальный технический университет

ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevtu.sebastopol.ua

МИЛОВАН ДЖИЛАС О СУДЬБЕ «НОВОГО КЛАССА»:

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются основные положения и выводы, содержащиеся в книге М. Джиласа «Новый класс».

Ключевые слова: партия, коммунистический режим, бюрократия, новый класс, собственность.

Милован Джилас (1911–1995) относится к числу тех восточноевропейских политических деятелей и писателей, которые оказали значительное влияние на судьбу коммунистического проекта в Восточной Европе. Вступивший в 1932 году в Коммунистическую партию Югославии, активный участник второй мировой войны, М. Джилас становится в 1953 г. председателем парламента СФРЮ – Союзной скупщины, в начале 50-х гг. начинает резко выступать против вмешательства партии в деятельность государственных органов управления. За одобрение восстания в Венгрии (1956 г.) он был снят с партийных и государственных постов. В этот период М. Джилас пишет книгу «Новый класс» – своё самое известное произведение, в котором на примере СССР даёт описание эволюции политических элит социалистических стран. Предшественниками его, изучавшими этот вопрос, были М. Бакунин, критиковавший концепцию «диктатуры пролетариата», Н. Бердяев, писавший о «новом привилегированном» классе СССР», Л. Троцкий, осудивший перерождение партии в работе «Преданная революция» и Дж. Бернхейм, который писал о “менеджерской революции” и многие другие. Среди последователей югославского автора можно отметить М. Восленского, в монографии 1970 г. «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» давшего развёрнутое описание советской элиты на поздних этапах существования коммунистического режима.

Идеи М. Джиласа оказали значительное воздействие на идеологию «социализма с человеческим лицом», требовавшую отхода от тоталитарных сталинских методов управления обществом. Как известно, теория и практика «перестройки» основывалась на концепциях «еврокоммунизма» и «демократического социализма» образца шестидесятых годов. В связи со сказанным представляется интересным рассмотрение книги М. Джиласа, посвященной судьбе нового класса.

Для М. Джиласа центральной задачей его, как историка является осознание сущности коммунистического режима, он пишет: «если, хотя бы с приблизительной точностью, распознать, распутать хитросплетения характера собственности и общественных отношений, к которым в конечном итоге приходит коммунистическая революция, то перспективы освобождения людей от их оков становятся все же более реальными» [1, с. 195]. М. Джилас констатирует, что все прогнозы коммунистических вождей относительно отмирания государства и формирования нового строя, когда правит не элита, а сам народ не оправдались. Машина государственного подавления не только не исчезла, но и усилилась. Реальную власть в стране «победившего социализма» получил особый закрытый слой бюрократов, отдалившихся от трудовых масс. Эта общественная система, по мнению М. Джиласа, не возникла случайно, а является закономерным продуктом исторических условий.

Югославский писатель полагает, что политическая бюрократия выделяется в истории человеческого общества определённой самобытностью, вызванной особенностями своего появления. Этот новый класс формировался не в недрах старого общества, а в процессе самой революции и в постреволюционный период. М. Джилас отмечает, что зачатки коммунистической элиты развивались «внутри организации особого рода, опирающейся на сверхдисциплинированность и непреложное идейно-философское единообразие в своих рядах», а именно – в слое профессиональных революционеров [1, с. 198-199].

Вместе с тем, коммунистическая партия не была идентична новому классу и по мере укрепления слоя управленцев её роль неуклонно убывала. С ростом влияния верхушки новой элиты партия становилась инертной массой, лишь проводником указаний закрытой от обсуждения политики политбюро и вождя. Массы беспартийного народа, выполнявшие эти указания, уже с 20-х гг. это лишь тень тех, кто совершал февральскую и октябрьские революции. Мысль о том, что государственная машина страны Советов – это на самом деле всего лишь механизм подчинения трудовых масс воле антагонистического им паразитического господствующего класса начала распространяться как за рубежами СССР, так и внутри страны примерно в это время [2, с. 29-32].

Вместе с тем, по М. Джиласу, в некий начальный период времени (двадцатые, тридцатые и сороковые годы XX в.) бюрократия выполняла объективно полезные для государства функции и в этом

корни живучести слоя чиновников. На первых этапах своего развития, в момент своей относительной слабости, новый класс опирался на городской и сельский пролетариат, совместно с ним создавая новое общество. Самодержавие, согласно М. Джиласу, перестало к 1917 г. соответствовать задачам создания в России современной индустриальной страны, а буржуазия была слишком слаба и зависима от внешнего влияния, чтобы направить развитие страны в русло классической капиталистической демократии. М. Джилас полагает, что бюрократы были заинтересованы в развитии промышленности и технологичного сельского хозяйства, поскольку источник их могущества – высокоразвитая экономика, для создания которой они нещадно эксплуатировали трудовой энтузиазм населения. Новая советская элита была в основном пролетарского происхождения, но она мало обращала внимания на повседневные нужды рабочих и вообще бедноты, хотя теоретически осуществляла своё господство от имени народа. Созданная в ходе индустриализации экономика стала основой коллективной собственности чиновников. М. Джилас пишет: «собственность нового класса проявляется в виде исключительного права, монополии партийной, политической бюрократии на распределение национального дохода, регламентацию уровня зарплаток, выбор направлений хозяйственного развития, а также как распоряжение национализированным и другим имуществом» [1, с. 204]. Население же не обладало реальной политической властью – поэтому концепция «общенародной собственности» – фикция. М. Джилас в своём анализе коммунистической действительности обращается к опыту деспотий Древнего Востока и Египта, для которых было характерно преобладание государственной монополии на средства производства и господство слоя чиновников: «То новое, что коммунисты привнесли в собственность, не есть ее коллективность, а есть всеохватность такой собственности. Собственность нового класса они сделали более всеохватной, нежели во все прежние эпохи, даже в Египте при фараонах» [1, с. 215].

М. Джилас считает, что новый класс сознательно стремился уничтожить все формы частной собственности, иногда и в ущерб экономике государства. В этом партбюрократия проявляла свою тоталитарную природу и склонность к монополизму. По его мнению, концентрация имущества в руках государства в принципе отвечало задачам ускоренной индустриализации страны, целям объединения усилий всего общества на решение объективно созревших задач. Вместе с тем, даже мелкая частная собственность была угрозой для монопольного положения слоя управленцев. Коллективизация и отмена НЭПа проводились, поэтому, крайне жёсткими экономическими и неэкономическими методами прямого насилия и демагогии.

Право на власть постепенно с начала 30-х гг. превращалась в право на личное пользование результатами труда всего общества. М. Джилас отмечает, что начало материальной дифференциации новой элиты от трудящихся масс объективно положил И. Сталин. Это произошло в период индустриализации, когда начали проявляться всё более заметные отличия в уровнях жизни партбюрократии и остального населения. С одной стороны, этот процесс был вызван необходимостью материально заинтересовать работника в результатах его труда, с другой – являлся проявлением усиления влияния слоя управленцев. Рост уровня жизни чиновников вызвал в свою очередь количественный рост нового класса, породил коррупцию и карьеризм [1, с. 209].

Партийная элита уже с 30-х гг. практически отказалась от концепции «мировой революции». Вместо этого она создала коммунистическую империю под своим руководством. Делались попытки распространения влияния СССР, прежде всего, в слаборазвитых странах. При этом реальные интересы советского народа приносились в жертву идее построения великого государства.

Все эти названные процессы вызвали столкновение внутри коммунистической партии – между старыми революционерами, не забывшими об идеалах Октября 1917 и новыми сталинскими бюрократами. Проявлением этого конфликта, по мнению М. Джиласа, являлся спор Л. Троцкого и И. Сталина. Л. Троцкий расценил своё поражение как победу «термидора» – чиновничьего извращения советской власти. Необходимо отметить, что Л. Троцкий отвергал концепцию нового класса, прежде всего в силу социальной неоднородности и расплывчатости слоя управленцев, отсутствия для них возможности продажи средств производства и, тем самым, накопления капитала. Вместе с тем он считал, что в перспективе, с ростом фактического разрыва между бюрократией и народом возможно возвращение к капитализму, в ходе которого государство будет экспроприровано. Реставрация дооктябрьских порядков, по Л. Троцкому, может быть связана, прежде всего, с необходимостью для партийной элиты передать положение в обществе своему потомству, что возможно только в рамках частной собственности (так как наследовать государственный пост с причитающимися ему привилегиями невозможно) [3, с. 351-352]. М. Джилас считает, что Л. Троцкий не до конца понял сущность нового строя, решив, что перед ним единичный "всплеск" бюрократизма, приведший к попранию чистоты партийно-революционной линии. Речь шла, по мнению югославского историка, о вещах гораздо более глубоких и кардинальных. Советский сталинский «термидор» был, как считает М. Джилас, не только воцарением новой власти, более деспотичной, чем прежняя, но и нового класса.

Ряд современных авторов, изучавших историю становления и развития политического строя СССР, также касаются вопроса о сущности советской бюрократии. Так, К. Капустин в своей книге

«Конец утопии? Прошлое и будущее социализма» пишет о том, что Бухарин ещё в середине 20-х гг. предупреждал об опасности возрождения в СССР класса эксплуататоров, даже не обладавших частной собственностью. Той элиты, которая, пользуясь тем, что трудовые массы не в состоянии сами организовать процесс производства и распределения, постепенно может захватить всю политическую власть и на этой основе перераспределить результаты экономической деятельности общества в свою пользу [4, с. 502]. Известный политолог Б. Кагарлицкий отмечает, что правящая бюрократия Советского Союза могла распоряжаться общенародной собственностью только в групповом порядке и исключительно посредством государства, вне которого как социальное явление не существовала. В книге этого автора «Марксизм: не рекомендовано для обучения» даётся обзор мнений, сложившихся в среде историков и политологов относительно природы нового класса. Он пишет, что некоторые исследователи, такие как Тони Клифф и Шарль Бетельхайм, считают чиновничество СССР некой «коллективной буржуазией», функционирующей в рамках «государственного капитализма» и присваивающей совокупный прибавочный продукт. Б. Кагарлицкий выделяет и точку зрения, которая была характерна для советского и восточноевропейского подпольного марксизма, а также для Корнелиуса Касториадиса, согласно которой после Октябрьской революции на территории страны Советов постепенно сформировался «азиатский способ производства», не имевший устойчивых классов в европейском понимании, но обладавший «этакратией» – группой правителей, эксплуатировавших народные массы внеэкономическим путём, посредством государственной машины насилия [5, с. 285-288].

Сталинский период, по мнению историка Р. Редлиха, являлся периодом постоянного укрепления власти бюрократии. Отношение И. Сталина к правящей элите СССР было двойственным. Вождь советского государства осознавал, что слой управленцев для успешного выполнения своих функций и для обеспечения преемственности власти должен обладать определённой устойчивостью. Но, вместе с тем, резкие изменения политического курса, трудные задачи, которые ставились перед руководством и ревнивое отношение окружения диктатора к власти ограничивали возможности чиновничества среднего и нижнего уровня оторваться от интересов страны [6, с. 102]. Политическая «знать», как считал Р. Редлих, глубоко презирала подвластные ей народные массы, считая их аморфной массой. Элита была патристичной, но на свой лад – эгоистичной, шовинистической и классовый. Глубокое равнодушие к марксистской теории сопровождалось начётничеством с элементами демагогии [6, с. 91-93].

Стиль «коллективного руководства», возникший после смерти И. Сталина, был вызван потребностью управленцев в спокойной, обеспеченной жизни. Как отмечает историк А. Янов, аристократизация (приобретение элитой независимого от служения государству экономического и политического положения) является в России объективным процессом, много раз повторяющимся в истории. Все чистки 30-х гг. были вызваны необходимостью остановить это явление, заставить бюрократию служить сталинскому режиму [7, с. 293]. И. Сталин сознавал опасность формирования паразитического слоя олигархов, пытался предотвратить консолидацию чиновничества в устойчивый класс, копящий собственность.

А Зиновьев в работе «Кризис коммунизма» подчёркивает, что при этом диктаторе страной руководила фактически личная канцелярия руководителя страны и органы безопасности, которые стояли над партийным аппаратом и контролировали его. Н. Хрущёв пришёл к власти уже как слуга, ставленник бюрократии. Элита начала контролировать сама себя на основе личных контактов, взаимной выгоды и поддержки, формируя нечто напоминающее мафию (особенно в национальных республиках). Человек, один раз попадая в списки «номенклатуры» ЦК КПСС или ЦК союзных республик получал постоянный иммунитет против произвольного исключения его из состава руководящего слоя. Освобождённый от чисток, обезопасивший себя от мнения вождей, полностью оторванный от нужд народа и равнодушный к интересам страны класс номенклатуры становится закрытым. Партийная элита является в классическом социалистическом обществе господствующей по отношению к административной и военной бюрократии, с которой она тем не менее вынужденно делится властью и привилегиями. Всё чиновничество тесно спланивает сознание общности своей судьбы и задач [8, с. 327-329].

По М. Джиласу новый властвующий класс слабо осознаёт своё положение в системе общества, не понимает свою принадлежность к обладателям средств производства. Коллективная собственность в масштабах государства маскирует отношения эксплуатации не только для угнетаемых народных масс, но и для самих бюрократов, которые искренне считают, что получают только вознаграждение за свой труд. В значительной мере, это связано с тем, что положение в слое новой элиты не передаётся по наследству: «Здесь же, кроме стремления пробиться в круг избранных, никто ничего существенного не наследует, новый класс, словно море, непрерывно колеблется», пишет М. Джилас [1, с. 220-221]. В середине 50-х гг. он стремился предсказать эволюцию коммунистического общества, пророчески отмечая, что перемены, происходящие по инициативе партийных верхов, продиктованы, прежде всего, интересами, «социальным заказом» самих бюрократов. Любые меры, в том числе предпринимаемые из демократических побуждений, обнаруживают и тенденцию усилить господство слоя управленцев. «Сама система такова, – констатирует он, — что даже демократические и подобные им меры поворачиваются так, чтобы вновь

послужить делу упрочения класса правителей». М. Джилас, однако, считает, что на пути приватизации государственной собственности у партбюрократии стоит, прежде всего, история, оставшиеся от 1917 г. декларируемые идеалы, от которых номенклатура не может отказаться, не разрушив свою власть и возвращение к капитализму в силу этого невозможно.

Либерализация режима, как считал М. Джилас в 1955 г., отход от сталинских методов позволяет народу добиваться лучших условий жизни, требовать реального контроля всего населения над средствами производства. Требования «демократического социализма», отказа от монополии партии на власть подрывает саму основу коммунистической системы, неизбежно приводит к переменам, к уступкам, к самоуправлению, прежде всего, на предприятиях. Всё это, по мнению югославского писателя, является объективным процессом, который начнётся в странах, где коммунистическая система наиболее слаба – в Восточной Европе. Являясь историческим оптимистом, М. Джилас предсказывает, что трудовые массы победят в этом споре и это рано или поздно вызовет крушение режима и уход нового класса с арены истории [1, с. 227-229]. Как известно, в ходе преобразований начала 90-х гг. победила номенклатура и она воспользовалась стремлением народа к справедливости ради своих целей. Чиновничество отказалось от лозунгов Октября 1917 г., разрушив в прежнем обществе всё, что ограничивало стремление элиты к обладанию капиталом.

Обобщая всё вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в своём анализе современной ему реальности коммунистических режимов М. Джилас в значительной мере был прав. Широкие народные массы, не имевшие реальной власти, в отсутствие демократии не обладали фактически «общенародной» собственностью. Партийная бюрократия постепенно превращалась в класс эксплуататоров, стремящихся легитимизировать обладание средствами производства, передать своё исключительное положение по наследству, приватизировать то, что теоретически принадлежало всем. И в настоящий момент в посткоммунистическом обществе власть по-прежнему тесно связана с собственностью. Элитой являются в значительной степени те же люди, что управляли СССР.

Вопрос о том, чем являлась Октябрьская революция, партия коммунистов вообще и правящая бюрократия страны в частности, поставлен уже давно, но до сих пор не решён. Мнения историков о партийном чиновничестве порой диаметрально противоположны. Дискуссии о природе социализма в настоящее время всё больше переходят в академическую плоскость. Однако не следует забывать, что своя, специфическая история нового класса продолжается в стремительно развивающемся Китае, во Вьетнаме, Северной Корее и на Кубе. Нельзя с уверенностью утверждать и то, что советский опыт не будет вновь востребован как в тех странах, которые отказались от социализма, так и в других государствах, подверженных в настоящее время влиянию мирового кризиса.

Библиографический список использованной литературы

1. Джилас М. Лицо тоталитаризма / М. Джилас. — М.: Изд-во «Новости», 1992. — 554 с.
2. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М.С. Восленский. — М.: Советская Россия, 1991. — 624 с.
3. Дойчер И. Троцкий в изгнании: пер. с англ. / И. Дойчер. — М.: Политиздат, 1991. — 590 с.
4. Капустин М.С. Конец Утопии? Прошлое и будущее социализма / М.С. Капустин. — М.: Изд-во «Новости», 1990. — 594 с.
5. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б.Ю. Кагарлицкий. — М.: Изд-во «Алгоритм», 2006. — 480 с.
6. Редлих Р. Советское общество / Р. Редлих. — Франкфурт-на-Майне: Изд-во «Посев», 1972. — 240 с.
7. Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии. Заметки о природе и происхождении русской государственности / А.Л. Янов. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 559 с.
8. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность / А.А. Зиновьев. — М.: Центрполиграф, 1994. — 495 с.

Поступила в редакцию 16.05.2013 г.

Колодкін Б.В. Мілован Джілас про долю «нового класу»: соціально-філософський аналіз

Розглядаються основні положення і висновки, що містяться в книзі М. Джіласа "Новий клас".

Ключові слова: партія, комуністичний режим, бюрократія, новий клас, власність.

Kolodkin B. M. Djilas about the prospects of a «new class»: socio-philosophical analysis

The principle statements and conclusions, contained in the book by M. Djilas are reviewed in the article.

Keywords: party, communist regime, bureaucracy, new class, property.